

Д. И. ПЕТРИКЕЕВ

БАРЩИНА НА ПОТАШНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ БОЯРИНА Б. И. МОРОЗОВА

Положение крестьянства России во второй половине XVII в. характеризуется прежде всего значительным усилением крепостнической эксплуатации. Интенсивный рост частного феодального землевладения, изменения в хозяйственной жизни вотчины и поместий под влиянием серьезных экономических сдвигов, происходивших в стране в период формирования единого всероссийского рынка, укрепление политических позиций господствующего класса, нашедшее наиболее яркое выражение в Соборном уложении 1649 г., — эти явления, естественно, сказывались на судьбах всех слоев общества и в первую очередь на судьбах класса крепостных крестьян, труд которых составлял основу всей жизни страны.

Развитие экономики неизбежно вызывало расширение сферы феодальной эксплуатации. Рост товарно-денежных отношений приводил к повышению денежной ренты, но рента продуктами и особенно барщина отнюдь не сокращались. С расширением земельных владений феодалов усиливалась барщина в земледелии, с возникновением промышленных предприятий в крепостном хозяйстве на плечи крестьянина дополнительным бременем ложилась барщина в промышленности, где труд в те времена, в условиях примитивной организации производства, был особенно изнурительным.

Все это можно ясно видеть на примере вотчинного хозяйства боярина Б. И. Морозова, в котором наиболее полно проявлялись характерные черты эпохи. Формы и методы эксплуатации крестьянства были здесь типичными для второй половины XVII в. В обширных морозовских владениях существовали одновременно все три формы феодальной ренты — барщина, оброк натуральный и оброк денежный. Принудительный барщинный труд был основной повинностью крестьян.

В настоящей статье рассматривается вопрос о барщинных работах морозовских крестьян на поташном производстве, — вопрос, представляющий большой интерес в связи с тем, что этот вид барщины отражает новые условия экономического развития страны и их влияние на положение крестьянства, на рост классовых противоречий.

О труде крестьян по обслуживанию поташных предприятий Морозова говорят некоторые документы его вотчинной переписки, опубликованной в двух известных изданиях.¹ Но особенно ценными в этом отношении являются неопубликованные материалы, содержащие записанные в 1655 г. представителем боярина Алексеем Дементьевым жалобы крестьян о невыносимых условиях работы на поташных предприятиях и о злоупотреблениях вотчинной администрации.² Они раскрывают мрачную картину крепостнического гнета.

Один из старейших химических промыслов — поташное производство, возникшее в России примерно в XV в., — к середине XVII в. занял важное место в экономике страны.³ Владельцами поташных предприятий были главным образом крупные вотчинники, которым принадлежали большие лесные массивы и которые располагали неограниченными возможностями для привлечения к различным работам по изготовлению поташа (в первую очередь к заготовке золы) крепостных крестьян.⁴

Боярин Б. И. Морозов в 50-х годах XVII в. был самым крупным владельцем поташных предприятий. Принадлежавшие ему майданы или будные станы были расположены в приволжских уездах (Нижегородский, Арзамасский), где всеильный боярин захватил леса, которыми ранее владело местное население, главным образом мордовское. В начале 60-х годов Морозов имел не менее 29 майданов.⁵ В хозяйственной деятельности Морозова поташное

¹ Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. (Труды Историко-археологического института АН СССР, т. VII), ч. I. Л., 1933; ч. II, М.—Л., 1936 (далее: Хозяйство крупного феодала); Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Под общей редакцией А. И. Яковлева. Ч. I, II, М.—Л., 1940, 1945 (далее: Акты).

² ЦГАДА, ф. Московской Оружейной палаты, столбец 42615, лл. 4—117 (далее: Столбец 42615).

³ П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века, т. II, М., 1949, стр. 7—12, 14, 18.

⁴ Там же, стр. 7, 14; Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955, стр. 112.

⁵ В вотчинной переписке упоминается 23 майдана, названия большинства из них повторяются в записях крестьянских жалоб 1655 г. (Столбец 42615), но здесь имеется 6 названий, не встречающихся в документах вотчинной переписки. Таким образом, источники говорят о наличии у Морозова 29 майданов. Возможно, что фактически их было несколько больше, но в то же время некоторые майданы, как видно из переписки, были иногда на простое, следовательно, нельзя считать, что все 29 майданов были действующими в начале 60-х годов. Определить точно размеры поташного производства Морозова невозможно, по представлению об этом

производство стояло едва ли не на первом плане. Он настойчиво требовал от приказчиков бесперебойной и эффективной работы майданов. Особое внимание обращалось на заготовку золы и дров, от которой во многом зависела вся организация производства. Весьма строго относился боярин к тем или другим упущениям со стороны приказчиков. Они получают грамоты с предупреждениями — если «мойданному делу какая поруха учинится, и тебе от меня быть в кручине и в жестоком наказанье».⁶ Гневно обрушивался вотчинник на виновных в нерадивом отношении к поташному промыслу. Очень выразительна его грамота приказчику сел Кузьмин Усад и Замятина К. Суровцеву от 28 сентября 1659 г. Получив сообщение, что на майдане, находившемся в ведении Суровцева, работы начались с большим запозданием, боярин разразился безудержной руганью: «И ты дурак. . . ни та ни ся, пьяница, ненадобной бражник, все ходишь за брагою, а не за моим делом, и мне не радешь и прибыли не ищешь, своим ты пьянством и нерадеьем мноую у меня ты казну проил. Во всех моих вотчинах на майданех огни запалили в опреле месяце, а у тебя в июне. Для чего так у тебя поздно с половины лета стали огни палить? . . . Нихто так ни в которой моей вотчине такой порухи казне моей не учинил, как ты дурак, пьяница, здуровал, и довелся ты за то жестокова наказания и правезу большева».⁷ Далее следует категорическое требование: «. . . зола и дрова велеть готовить, чтоб мойданное дело бес простою шло, и к новому году золы и дров запасти гораздо с лишком». Требование, чтобы заранее создавались запасы золы и дров «гораздо с лишком», т. е. в количествах, гарантирующих бесперебойную работу майданов в течение всего сезона, встречается почти во всех морозовских грамотах, касающихся организации поташного производства. Боярин то и дело напоминал приказчикам о заготовке золы для майданов, чтобы они в сезон не оказались на простое.⁸ А сезон был довольно длительным — работы на майданах начинались обычно в апреле и продолжались до наступления морозов (примерно до ноября).⁹ Заготовка и доставка золы оказывались не только наиболее трудоемкими, но и фактически решающими фазами производственного процесса с точки зрения его организации — будный стан может нормально работать только при хорошем обеспечении

можно создать по свидетельству о поставке поташа в казну вдовой Б. И. Морозова вскоре после его смерти. Из принятых казной в 1662—1663 гг. от различных владельцев поташных предприятий 213 077 пудов поташа А. И. Морозова поставила 94 939 пудов (Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 294—295, табл. 9). Поставки других лиц были неизмеримо меньшими — от 20 740 пудов (боярин И. Д. Милославский) до 151 пуда (торговый человек Бахлапов).

⁶ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 41; Акты, ч. II, стр. 126.

⁷ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 32.

⁸ Там же, стр. 32, 36; ч. II, стр. 193, 220 и др.

⁹ Там же, ч. I, стр. 32, 47; ч. II, стр. 192.

золой. Поэтому приказчику, согласно строжайшим предписаниям боярина, об этом надлежит заботиться в первую очередь. Не меньше внимания уделялось организации работ на самих будных станах. К осуществлению контроля за ходом поташного производства Морозов привлекал весь местный административный аппарат. Приказчики должны были неустанно следить за работой поливочей, будников, корытников, чтобы «было мойданное дело стройно и справливо» и чтобы «воровства на мойданах ни в чем ни от ково не было». ¹⁰ В помощь приказчику на каждый майдан назначался пристав, обязанность которого заключалась в том, чтобы он «смотрел нат поливочем и нат корытники накрепко и мойданным бы делом радел неоплошно, и во всем прибыли искал». ¹¹

Масштабы поташного производства Морозова требовали огромного количества рабочей силы. Непосредственно процесс изготовления поташа на одном майдане могли обеспечить несколько десятков человек. Однако для заготовки и доставки на производство золы и дров требовались тысячи рабочих рук. П. Ф. Баканов, рассматривая вопрос об организации поташного производства в вотчине Морозова, утверждает, что в течение 50-х годов вотчинник искал различные пути обеспечения поташных предприятий рабочей силой и нашел радикальное решение в 1660 г., направив из своих галицких владений на майданы в Нижегородский уезд 346 наемных и вытнх «деловых» людей. ¹² Фактически вопрос о рабочей силе решался всегда в первую очередь за счет крепостных крестьян, которые привлекались к обслуживанию майданов в порядке барщинной повинности. Источники показывают, что силами крестьян Морозов «держал майданы» не только до 1660 г., как утверждает П. Ф. Баканов, но и в дальнейшем. Прибывшие из Галицкого уезда 346 человек не могли стать решающей силой в производстве поташа. Они были лишь подкреплением к тем многим тысячам местных жителей, которые продолжали выполнять различные работы, связанные с изготовлением поташа. Следует обратить внимание на то, что галичане были поставлены на обслуживание только восьми майданов (четырех сергачских, яблонского и трех рождественских). При этом в отношении работы «деловых» на рождественских майданах, куда было послано 126 человек, Морозов писал приказчику: «... те мойданы и без деловых людей шли бы», — и дал распоряжение оставить на этих майданах 60 человек «для помочи крестьяном», а 66 направить на заготовку золы к будущему году. ¹³

¹⁰ Там же, ч. II, стр. 220, 224.

¹¹ Там же, ч. I, стр. 127.

¹² П. Ф. Баканов. Товарное производство в феодальной вотчине XVII века. Вопр. истории, 1953, № 5, стр. 97.

¹³ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 131; ч. II, стр. 226.

Крестьяне привлекались к обслуживанию поташного производства с самого начала его организации. Первоначально были попытки возложить эту обязанность на бедных крестьян, которые оказывались не в состоянии платить оброк. В 1651 г. Морозов, требуя полного сбора недоимки по оброку с крестьян с. Мурашкина, писал приказчику этого села П. Внукову: «А будет которые бедны и взять на них нечева, и им велеть у буднова моего дела работать вместо тех, которые работают наймующись у будного дела охочие люди, и им зачитать в оброк мой по тому ж. Или тем бедным людям за оброк велеть зола жечь в моих лесах и угодьях и привозить к будному делу, а за четверть зачитать им по алтыну или по 2 гроша, а то уж большая цена, что зачитать за четверть по 10-ти денег».¹⁴ Подобные распоряжения имели место и раньше. В сентябре 1650 г. П. Внуков докладывал боярину, что бедные крестьяне «села Мурашкина и приселков и деревень к будному делу зола жечь не пошли и принесли скаски за поновыми руками, а сказали, что оне готовы оброк платить».¹⁵ Следовательно, работа на майданах была настолько тяжелой, что крестьяне готовы были тянуться из последних сил, чтобы выплатить непосильный для них оброк и избавиться от этого каторжного труда.

Однако с развитием поташного дела боярин в принудительном порядке превращает обслуживание этого производства в общую барщинную повинность крестьян и бобылей окружающих майданы селений. Упомянутые выше записи крестьянских жалоб, относящиеся к 1655 г., и отдельные документы вотчинной переписки свидетельствуют о том, что уже с 1652 г. по ряду морозовских сел и деревень устанавливается повытный оклад поставки зола и дров на майданы, а к середине 50-х годов к этим работам были привлечены все крестьяне и бобыли нижегородских и арзамасских владений Морозова.¹⁶ В конце 50-х и в начале 60-х годов этот вид барщинных работ полностью сохраняется, с каждой выти крестьяне ставили определенное количество зола и дров, а во многих случаях должны были, кроме того, поставлять тростник и лубье, делать тачки, стоять на корытах, набивать поташ в бочки, перевозить поташ на своих подводах в Вологду и другие города.¹⁷

Многие источники показывают, что Морозов практиковал прикрепление своих сел и деревень к определенным майданам, учитывая их территориальное расположение. Из записей крестьянских «сказок» 1655 г. видно, что виргизаевский, кобыльский, яблонский, два кеншевских и уваровский майданы обслуживаются крестьянами близлежащих сел Богородского и Покровского,

¹⁴ Там же, ч. II, стр. 159.

¹⁵ Там же, стр. 132.

¹⁶ Столбец 42615, лл. 60, 75, 96, 97, 105, 108, 110, 111; Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 120.

¹⁷ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 124; Столбец 42615, лл. 16, 18, 20, 21, 61, 97, 111, 114, 115, 117.

а также всех прилегающих к ним деревень и починок.¹⁸ Крестьяне и бобыли Лыскова с приселками и деревнями обеспечивают работы на песочном, мечасовском и утесовском майданах.¹⁹ В вотчинной переписке имеются прямые боярские указания о закреплении сел за майданами. Сергачские майданы, кроме крестьян самого с. Сергача, должны были обслуживать крестьяне и бобыли сел Уварова, Перегалеи и др. Об этом сказано в грамотах Морозова приказчикам сел Уварова и Знаменского, относящихся к весне 1660 г.²⁰ В июне того же года приказчику с. Знаменского было направлено предписание: «Мошно знаменской мойдан держать селом Знаменским и селом Троецким з деревнями, да к тем же селам в помочь даны деревни Княж Павлова и Чепбасова да деревня Кеслав... А деревни Кемар Больших и Малых крестьяном указал я быть на яблонском мойдане в помочь села Старова Покровского крестьяном для дальняго пути, что они ездят 30 верст». В этой грамоте содержится исключительно важное указание на то, что прикрепление сел и деревень к майданам проводилось по определенным расчетам, устанавливался оклад по числу вытей. Боярин упрекает приказчика: «А что ты пишешь, что де у тебя работают на мойдане всего 16 вытей, и ты то пишешь не справясь, работают у тебя на мойдане по Ондреву окладу Фролова и Ондreja Кучетцкого 21 выть, а не 16 вытей, и теми вытьми однолично мошно мойдан держать».²¹ По-видимому, подобные оклады были проведены по всем майданам, так как приведенная выдержка из боярской грамоты ясно говорит о том, что количество вытей, закрепленных за майданом, является критерием его производственных возможностей, — 21 выть обеспечивает нормальную работу майдана. В приволжских владениях Морозова насчитывалось свыше 450 вытей²² — количество, вполне достаточное, чтобы одновременно обслуживать более 20 майданов. Морозову принадлежало в этом районе около 6100 крестьянских и бобыльских дворов. Из этого видно, какая огромная масса крепостного населения была привлечена к работам на его поташных промыслах. Если условно считать, что от каждого тяглого двора в этих работах участвовал лишь один человек, то общее число составит более 6 тысяч. Это и была главная сила морозовского поташного производства, основанного почти целиком на крепостном труде. Силами крестьян выполнялись наиболее трудоемкие работы: заготовка и доставка на майданы золы и дров, а также перевоз поташа в очень отдаленные пункты сбыта. Но, кроме того,

¹⁸ Столбец 42615, лл. 1—55.

¹⁹ Там же, лл. 96—117.

²⁰ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 41, 46—47; Акты, ч. II, стр. 126.

²¹ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 47.

²² Там же, стр. 280, 282, табл. 4; ч. II, стр. 89, 125 (итоги описания Мурашкинской и Лысковской волостей).

крестьяне, как отмечено выше, работали и на самом производстве.

Лишь небольшое число специалистов поташного дела Морозов нанимал со стороны. В начальный период организации поташного производства в Нижегородский уезд были присланы наемные поливочи и будники. Количество их было совсем незначительным: поливочей 5 человек, будников 14.²³ Данных о том, где их нанимали, нет. Из опшсных книг 1667 г. известно, что на сергачских майданах работали «польские работные люди». Всего здесь числилось 5 поливочей, 71 будник, 4 бочкаря, 1 кузнец, 1 колесник, 2 воштаря.²⁴ Село Сергач было главным центром поташного производства Морозова. Расположенным здесь майданам боярин уделял особое внимание. Их безусловно в первую очередь должны были обеспечивать рабочей силой, в том числе и специалистами поташного дела. И если на каждом из сергачских майданов работали 1—2 поливоча и 15—20 будников, то и на других майданах количество таких специалистов не могло быть значительным. Этим ограничивалась сфера применения наемного труда в морозовском поташном производстве. Больше того: поливочи, будники, а тем более бочкари, кузнецы, колесники и воштари не обязательно были наемными рабочими. Для выполнения их функций привлекались и крепостные крестьяне. Об этом свидетельствует факт принудительного обучения «поливочному и поташному делу» группы крестьян с. Старого Покровского в 1651 г.²⁵ Кроме того, в крестьянских «сказках» 1655 г. встречаются указания на то, что крестьян в порядке отбывания феодальной повинности заставляют «стоять на парах» (или на корытах).²⁶ Таким образом, наемный труд в поташном производстве Морозова не имел широкого применения. Тяжелым бременем была для крестьян барщина на поташном производстве Морозова. С самого начала его организации наблюдаются факты, свидетельствующие о том, что с введением этой повинности жизнь крестьянина становится невыносимой. В 1652 г. крестьяне с. Троицкого жаловались, что им майданные дела «стало делать не в силу», и угрожали приказчику побегам.²⁷

К середине 50-х годов недовольство крестьян принимает, очевидно, массовый характер. Боярин вынужден был направить в Нижегородский и Азамасский уезды летом 1655 г. своего представителя Алексея Дементьева для проведения опроса крестьян, обслуживающих поташное производство. В многочисленных показаниях («сказках») крестьян, записанных во время этого опроса, приведены сотни фактов, говорящих о непосильном труде по об-

²³ Там же, ч. II, стр. 161.

²⁴ Там же, ч. I, стр. 192—193.

²⁵ Там же, ч. II, стр. 132, 140.

²⁶ Столбец 42615, лл. 16, 18, 20, 61.

²⁷ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 120.

служиванию майданов, губительно отражающемся на состоянии крестьянского хозяйства и часто вызывающем побег крестьян, о злоупотреблениях представителей вотчинной администрации, еще более отягощавших положение крестьянства.

Заготовка золы и дров и работы на самих майданах в летнее время приводили к невосполнимым потерям в собственном крестьянском хозяйстве. Крестьяне с Кошкарова во время опроса рисуют такую картину: «Платили мы в прошлом в 160-м году на сергацком на среднем майдане 450 четн золы. . . , а той золы выбили нас жечь в яровые жнитва, у иных крестьян был яровой пожат, а в гумна не свезен, а у иных и не жат, и тот яровой хлеб животина съела, и весь хлеб пропал в поле, и о том мы Корнилу Шанскому (приказчику, — Д. П.) били челом, и он нас стал бранить: мне де зола лутче вашева хлеба, у меня де есть боярский указ, хотя де вы и все разбежитесь, и я де стану юрты ваши жечь, а майданнова дела не поставлю. И от той золы разошлось крестьян десет семей, и ныне те дворы пусты».²⁸

Подобные факты приводятся в жалобах крестьян деревень Березники и Вергизай. Неделями они работают на майданах — стоят на корытах, набивают поташ в бочки, делают тачки, возят тростник и лубье. Им не дают возможности работать на своем поле: «И как мы поедом пахать и косить и жать, и выборные у нас сошники отымают и мешки с телег валяют и со всякие работы нас неволею посылают золы жечь и дров рубить, и с тое мы неволи. . . оскудели, а иные разбрелися». Из дер. Березники сбежали 7 крестьянских семей, из дер. Вергизай — 14.²⁹

В «сказке» крестьян починка Яблонки говорится о том, что они «стояли на корытах по неделе и по две и по три, а наемных корытников Сава Лызлов (поливоч, — Д. П.) заставляет на свое место поливать, а сам в те поры гуляет и пьет и нам сиротам изгоня великая, работа беспрестанная, в кою, государь, пору люди хлеб пашут, а мы сироты на твоей боярской работе на майдане и дрова в гарть складываем».³⁰

Подобные же заявления были сделаны крестьянами с Нового Покровского и прилежащих к нему деревень. Приказчик заставлял их «стоять на корытах» помесечно, выплачивал им по 20 алтын, «а мы своих прибавливали на тот же месяц корытникам по 20 алтын з гривною».³¹ Плата, которую получали крестьяне за поставляемую золу, являлась лишь средством некоторого смягчения тяжести этой повинности, но отнюдь не покрывала стоимости золы. Крестьянам должны были платить за четверть 10 денег (фактически платили меньше, как видно из крестьянских «сказок»), а обходилась им зола значительно дороже. Так, например,

²⁸ Столбец 42615, лл. 51—52.

²⁹ Там же, лл. 18, 21.

³⁰ Там же, л. 16.

³¹ Там же, л. 61.

мурашкинские крестьяне, по свидетельству переписной книги 1665 г., «плачивали с выти по 96 чети, а денег им боярских за тое золу давано за четверть по 10 денег, а они крестьяня покупали, прибавливая к тем боярским деньгам своих денег за четь по 10 алтын».³²

Особенно красноречивы рассказы крестьян о злоупотреблениях приказчиков (в первую очередь Корнила Шанского), поливочей, целовальников и выборных. Выясняется картина массовых обманов и вымогательств со стороны представителей морозовской администрации на майданах. Приведем некоторые примеры. Крестьянин с Богородского Михаил Иванов заявляет, что доставил в 1654 г. на виргизаевский майдан 15 четвертей золы, но когда приказчик платил деньги крестьянам, ему за ту золу не уплатили, так как казенный «жеребей» оказался утерянным.³³ «Да я ж привез на тот же майдан золы две телеги, а по смете было золы на двух телегах 4 чети и у меня тое золы поливщик Иван Яковлев в то число не принял, а велел вывалить за скрию, и я вывалил, а после того пришел ее смотреть, и тое моеи золы па том месте нет, и то знатно, что та моя зола заведена в колоды».³⁴ В «сказке» крестьянина Ивана Осипова говорится о том, что он доставил на кеншевский майдан 10 четвертей золы по 10 денег за четверть, но Корнпл Шанский заплатил ему по алтыну, так как поливоч Никита Зуенок «поворотил ту золу в худую».³⁵ Крестьянин с. Покровского Семен Григорьев рассказывает, что взял он у К. Шанского 20 алтын, за которые он должен был вывезти 15 четвертей золы. «А как стал возить, и поливщик Сава всякую золу у меня стал недоброю золою называть, и вывез я за те за 20 алтын золы 40 четвертей, да сверх того ему ж Саве дал посулу...».³⁶ Подобные факты приводятся в рассказах крестьян многих других сел и деревень.

Изыскивались различные пути повышения прибыльности поташного производства за счет эксплуатации крепостных. Крестьяне починка Яблонки заявили, что в первые годы существования яблонского майдана «мера была золяная мала — в казенную хлебную меру», тогда везли золу «сторонния многие люди». Но затем была введена большая мера (примерно в 1½ раза больше

³² А. Н. Волконский. Село Большое Мурашкино. Русский архив, 1875, № 1, стр. 118. (Вероятно, «10 алтын» записано ошибочно вместо «10 денег».)

³³ При приеме золы крестьянам выдавался «жеребей» (или «бирка»), который представлял собой нечто вроде квитанции. Копия «жеребья» оставалась у поливоча или целовальника и затем передавалась приказчику, который выплачивал по ней деньги. В «сказках» крестьян приводится ряд случаев, когда крестьянам — несмотря на то что они предъявляют свой «жеребей» — денег за золу не выплачивают только потому, что казенный «жеребей» утерян. См.: Столбец 42615, лл. 6, 9, 48 и др.

³⁴ Там же, л. 6.

³⁵ Там же, л. 10.

³⁶ Там же, л. 30.

прежней), а плата осталась старая, доставка золы со стороны прекратилась, и вся тяжесть ее легла на местных крестьян.³⁷ О том же рассказывают крестьяне деревень Березники, Кеншевой, с. Нового Покровского и др.³⁸

Расследование, проведенное Алексеем Дементьевым, не принесло никаких благоприятных для крестьян результатов. Имеются свидетельства о том, что к концу 50-х годов повинность по обслуживанию майданов стала еще более тяжелой. В 1659 г. крестьяне с. Сергача в своей челобитной Морозову писали: «По твоему государеву указу положено на нас сирот твоих твой, государь, ключевой меньшей майдан. А нас сирот твоих только в селе Сергаче и в деревнях полсемьи выти, и мы сироты твои золу жжем, и дрова рубим и возим, и зол, государь, пажигаем на осьмуху внамет по 80 четвертей, а на выть, государь, по 600 по 40-ку четвертей. Да мы же сироты жжем за оброшные деньги золою с выти по 100-у четвертей. А дров, государь, ставим на осьмуху по 5-ти саж. дубовых, а на выть, государь, по 40-ку. И которые, государь, крестьяня одинокие и безконные, и они, государь, не успевают дров рубить и возить и золы жечь, и они, государь, покупают сажень дров по рублю и по 40-ку алтын, а золу, государь, покупают по 2 алтына и по 7-ми коп. А как, государь, ту золу привезут на майдан, и нам сиротам дают за золу по 4 деньги и по 2 деньги и от тово мы сироты твои оскудели».³⁹ Далее в челобитной перечисляются другие виды работ, выполняемые крестьянами на майданах: перевоз поташа, ежедневный подвоз дров в гарть, заготовка сена для лошадей, обслуживающих майданы, и т. д. В ответ на эту челобитную Морозов предложил своим приказчикам несколько смягчить подводную повинность для сергатцких крестьян, но строго потребовал: «А зола и дрова им сергатцким крестьяном велеть ставить по указу, потому что у них лес близко..., а за золу им... за четверть давать по указанной цене, по 10 денег. А которой золу худу привезет, таких бить батоги и ту худую золу велеть высыпать у них на земь...».⁴⁰ Таким образом, жалоба крестьян по существу осталась без последствий. А последнее указание открывало широкий простор для тех злоупотреблений администрации, о которых говорилось в только что рассмотренных крестьянских «сказках».

Использование дарового крестьянского труда в массовом масштабе обеспечивало Морозову очень высокие прибыли от производства поташа. В. Г. Гейман определяет чистую прибыль для 1651 г. в 25 коп. с пуда.⁴¹ Есть основание полагать, что в на-

³⁷ Там же, л. 12.

³⁸ Там же, лл. 17, 22, 60.

³⁹ Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 123.

⁴⁰ Там же, стр. 124.

⁴¹ В. Г. Гейман. О хозяйстве боярина Б. И. Морозова. В кн.: Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. LXXVII.

чале 50-х гг. прибыль составляла около 50% валового дохода. В дальнейшем, когда была установлена общая повинность крестьян и бобылей по обслуживанию поташного производства, прибыльность его должна была еще более возрасти. В денежном выражении прибыль, получаемая на всех поташных предприятиях Морозова, составляла несомненно очень большие суммы. Показателем может служить сумма, полученная его вдовой от продажи поташа в казну в 1662—1663 гг. За 94 940 пудов поташа ей выплатили 359 037 руб. (медными деньгами).⁴² Чистой прибылью в этом случае было получено не менее 180 000 руб.

Таким образом, подневольный труд крестьян в поташном производстве, которое можно рассматривать как первоначальный вид крепостной мануфактуры, приносил феодалу огромные доходы. Возникновение и развитие промышленного производства в вотчинном хозяйстве приводило к дальнейшему усилению феодальной эксплуатации.

⁴² Хозяйство крупного феодала, ч. I, стр. 294—295, табл. 9.